

УДК 392.12

«Там бабка спала, а доктор в этой камере»: Осколки института повитух в памяти современных старообрядцев¹

Наталья Сергеевна Душакова

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Москва,
Россия

ORCID: 0000-0003-4486-5367

Scopus Author ID: 55925533400

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Школа актуальных гуманитарных исследований

Российской академии народного хозяйства и государственной

службы при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82

Тел.: +7(499) 956-96-47

E-mail: dushakova@list.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2022.12

Аннотация. В статье рассматриваются воспоминания старо-
обрядцев Республики Молдова и Румынии о практиках деторо-
ждения при помощи сельских ритуальных специалистов — по-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской рабо-
ты государственного задания РАНХиГС.

витух. На основе полевых материалов, записанных в 2008–2018 годах, прослеживается, как во взаимодействии с официальной медициной происходила трансформация института повитушества и какие функции повитухи продолжали быть востребованными среди местных жительниц после появления родильных домов.

Ключевые слова: старообрядцы, практики деторождения, ритуальный специалист, повитуха, память, Республика Молдова, Румыния

В настоящее время традиционные практики родовспоможения, уступившие место квалифицированной медицинской помощи, сохраняются в основном в памяти старшего поколения. С появлением в селах родильных домов институт повитух начала вытеснять официальная медицина. Тем не менее, даже несмотря на борьбу властей с сельскими повитухами, в течение длительного времени они пользовались большим авторитетом: нередко женщины предпочитали рожать при помощи повитух, а не обращаться в роддома. Во время экспедиций в старообрядческие села Республики Молдова (с. Куничя, с. Старая Добруджа) и Румынии (с. Сарикей, с. Журиловка) в 2008–2018 годах мне удалось пообщаться с местными жительницами, которые сами выступали в качестве повивальных бабок (*бабили*) или обращались к ним за помощью еще до появления родильных домов в соответствующих поселениях в 1960-х годах и позже, когда звать повитух уже было официально запрещено. Материалы этих интервью легли в основу данной статьи².

² Взаимодействие повитушества и акушерства как двух легитимных систем знания в старообрядческой среде также рассматривалось в статье: Dushakova N. A local midwife or a doctor? Two systems of knowledge in birthing practices of Russian Old Believers // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 2020. № 80. P. 169–190. URL: <https://www.folklore.ee/folklore/vol80/dushakova.pdf> (дата обращения: 15.08.2022).

«Тогда бабка была, не было докторов»

До появления больниц в обследованных поселениях женщины рожали (*приносили детей*) в бане или в отдельной комнате (*в хате*) с помощью повитухи. В Республике Молдова и Румынии старообрядцы называли повитуху *бабкой*, *бабушкой*, реже *повитухой* или *повивухой*.

[А называли их как-то, «повитуха» или просто «бабка»?] Бабка. Так говорили: «Бабка». А после уже, когда трошки модернизались, почали «моаша» говорить тогда. [По-румынски.] Да, а так «бабка» говорили, «бабила»: «Где ты была?» — «Да вот, бабила, Татьяна принесла хлопчика чи девочку». Так говорили. [Бабила?] Бабила, ага [ПМА: РЕЯ].

А у нас было две бабки-повивухи. Ну и она (соседка. — *Н. Д.*) уже после рассказывала. Она пошла сюда к этой ближней, ей нема дома. Она к другой — а другая на поле, на бураках [ПМА: ИЕР].

ШАИ: Бабки. Раньше не было роддомов. А бабушка Анисья, вот, папина мама, бабушка Анисья — бабка, была как это... акушерка, но не... ну, бабила ходила. ПСВ: Бабила. [А говорили «повитуха» или нет?] Нет, у нас «бабила», да? ШАИ: Бабила, она бабила ходила [ПМА: ШАИ, ПСВ].

По воспоминаниям местных жительниц, женщины нередко рожали во время полевых работ. В таких случаях тоже обращались к бабкам:

Теперь же у шпитале (от рум. *spital* — больница. — *Н. Д.*), а тогда бабки вязали (завязывали пуповину. — *Н. Д.*), да, бабки все делали. Тогда бабка была, не было докторов. Доктора — они были, где-то были, а наше селение им — одно, что не было у нас шпиталя, а другое — не было, на чем доехать, как тогда не было, чем ездить, а в повозку если беременную бабу покладешь, она принесет на бобы. И так что, где попало ее, там она... и на степях родили, и у тех родили, у капицах, и в солому родили. На степи работает,

и ее... тутотка ей плохо сделалось, и бабка какая-нибудь, которая понимала, — и момент туды воды, и она принесла. Завернули в ее шальку детенка. Вот так было [ПМА: РЕЯ].

Как правило, при приближении родов звать бабку шел муж роженицы или соседка:

Первого родила в 1948 году. Сын первый родился. Ну, успела чи... Пошел муж мой, бабку привел — повитуха. Вот. Привел бабку, бабка эта принимала роды. Вот. А вторую уже девочку тоже бабка, но главное то, что уже поздно было. <...> Ой... Пришла, а муж пьяный был, спал. Я стучу, стучу, стучу — никак не могу достучаться, насилу достучалась, покамест он открыл... И тут у меня уже схватки. Я его прошу: «Иди за бабкой!» А он как... (смеется): «Какая тебе бабка, ничего тебе не будет!» Не хочет идти. И потом пошел. Пока тая бабка, я — пола не было деревянного, земляной пол — я на том... не было клепки, чтоб постелить что-нибудь, чи что. Я так на полу, на земе, на сыром. Пока тая бабка пришла, я застыла чисто [ПМА: ИЕР].

[Бабку когда звали, когда она уже... схватки начались или как?] Да, да. Уже побегла соседка, она страшно мучилась, кричала, никого дома не было. [И соседка пришла?] И соседка услышала, пришла и... это самое... побежала. Бабка недалеко жила. И она пришла и уже приняла роды. Это так рожали [ПМА: ХТА].

Иногда бабка принимала роды сама, но чаще ей помогали старшие родственницы или соседка роженицы. Присутствие детей, мужа и других родственников-мужчин было строго запрещено:

[Кто-то мог присутствовать при родах? Муж мог быть при родах или кто-то еще? Или только бабка?] Бабка и какие-нибудь женщины, что все-таки трошки понимали. Мужа они не, мужа не подпушали. Мужа, детей — это не пушали. А бабка тая, что бабила, и какие-нибудь женщины, что понимали трошки, помочь ей [ПМА: РЕЯ].

[Только бабка и роженица, или кто-то из родных мог присутствовать?] Ну, допустим, сестра или соседка, но только не мужики [ПМА: ХТА].

«Не всякий человек мог эти сделать дела...»

В селах, где проводились полевые исследования, судя по воспоминаниям, было по несколько повитух. Часто местные жительницы подчеркивали, что в этой роли могла оказаться не каждая: предпочтительнее были вдова или пожилая *знающая* женщина:

[Сама бабка учила молодую, да?] Да, да. Рассказывала, как, что. [А какая могла быть, были... не все ж подряд могли быть повивухами?] Ну, конечно, не могли быть. Она же знала, кто может. Болею часть вдов брали. [Вдов брали?] Да, вдова чтоб была [ПМА: ИЕР].

Это были спечиал (рум. — специальные. — *Н. Д.*) такие старые люди, старые бабки, которые были наместо врача. Как за врача считали их. И с ними и приносили беременные <...>. Это где попало: и на дворе, и на огороде, и в хате — где попало приносили. И в бане, и кругом. И спечиал была бабка, как моаша (рум. — *Н. Д.*), называлась *бабка* такая. Она... не всякий человек мог эти сделать дела, а старые люди это делали, которые служили как за доктора. [ПМА: РЕЯ].

А раньше они прямо учили, показывали, они знали, как живот поднимать, они знали все... Вот она покладет руку и чувствует, что вот тут, че тут болит, как доктор. Чи когда вот руку сломает кто-нибудь, чи выбьет, чи чего, она пришла, пощупала и говорит: «Ой, это не на месте, чи это там так надо делать, чи так». Увязывали, делали, все как одни доктора были, все понимали, все от Бога имели этот талант. И много учили. Есть, бывало, много так, что бабка мает дочку в доме помоложе, и учила. Много так было, что матка померла, а дочка ее дальше идет. Много так бывало. А сейчас уже нема [ПМА: РЕЯ].

Как видно из интервью, передача знания осуществлялась или от матери к дочери, или от знающей женщины (бабки) к более молодой, но подходящей для этой роли женщине. Правила выбора повивальной бабки основывались на особых требованиях, предъявляемых к чистоте женщины, которые во многих славянских традициях включали запрет на контакты со смертью / покойниками: «...строго запрещалось их обмывать, так как те же самые жесты в отношении новорожденного оказались бы для него роковыми: смерть заразна» [Кабакова 2001: 112–113]. Контакт со смертью среди славян рассматривается как «особый случай ритуальной нечистоты» [Кабакова 2009а: 82]. Однако в селе Кунича (Республика Молдова) бабка-повитуха также обмывала покойников — к ней относились как к авторитетному ритуальному специалисту. Сохранившихся представлений о том, что это могло запрещаться, зафиксировано не было.

Бабка владела особыми техниками массажа, которые применялись для облегчения родов:

[А вот когда вас звали бабить, вы... и плохо было ей, и сильно тяжело рожала, мучилась с родами, что вы делали, чтобы помочь ей?] СЕО: Это надо знать технику, пальчиками работать, пальчиками работать, надо помогать ей. <...> А полотенцем сколько тискали. МЕА: И простынями, не только полотенцами. СЕО: Полотенце большое, одна с одной стороны, другая — с другой стороны [ПМА: СЕО, МЕА].

[А как бабушка могла помочь? Она что, массировала?] Ну, помочь. Она от тут от брала полотенцем и потискивала, потискивала, а как головка вышла, она стала головку чуть ворочать, а как ручки стали, она тогда за ручки взяла и... вынула [ПМА: САЕ].

[Бабка что-то знала там свое?] Ничто, абсолютно. Лишь массаж вроде бы делает, и все, больше ничего. Живот гладит тамotka, ноги растирает, руки. Но чтоб серьги не были, чтоб в серьгах не была, чтоб кольца на руке не было или браслета какого [ПМА: ИЕР].

Как посредник между роженицей и высшими силами повитуха читала специальные молитвы во время родов. В обследованных поселениях распространено представление о том, что для облегчения родов необходимо читать канон Богородице Федоровской. Бабка могла взять на себя и функции священника — если ребенок родился слабым, она могла погрузить ребенка, чтобы он не умер некрещеным:

МУН: Называлось *погружала бабка*. Когда приносили, и детенок плохой, вот... ДВВ: Да, да, да. МУН: <...> глядит, что он помрет, и она прямо в ведре, и говорит: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». ДВВ: Да, да, и он считался крещеным. МУН: Да, да. ДВВ: Потом, значит, пойдут до священника, и он какие-то там молитвы довершал, а это он не повторял. Не погружал, что значит, он погруженный во имя Святой Троицы. Да, это есть [ПМА: МУН, ДВВ].

[Чтоб не помер некрещеный, вот, бабка могла как-то сама окунуть в воду?] ПСВ: Да, да, да. Да, я тоже что-то слышал. ШАИ: Да, да, в ведро. Новое ведро воды и «Верую», прочитывать три раза «Верую», «Святым Боже», «Верую»... Вот Наташа была, дьячиха-покойница, она ходила. Она ходила, *погружала* называется, погружала. ПСВ: Погружение. ШАИ: И потом, если ты, вот, не успели покрестить, погрузили детенка, уже хоронят, все. [Три раза погрузила?] Три раза, да. А Наташа ходила, такие, достойные женщины, кто молится Богу. Да, она погружала. А если не успели, то тогда уже не хороним. [А так можно похоронить, как будто крещеный?] Да. Потом отец молитвы прибавит, вычитает все. Как крещеный. [А говорили на него *полукрещеный*?] Не, нет. [А если он выживал, то его потом докрещивали?] Да. Отец, там, чуть-чуть довершает там. Ну, в воду не окунают, это считается [ПМА: ШАИ, ПСВ].

Как отмечала Г. И. Кабакова, «эта мера предосторожности приветствуется и семьей, и церковью, так как окрещенный повитухой младенец даже в случае ранней смерти имел право на христианское погребение. Если же он выживал, священник завершал крещение» [Кабакова 2001: 117]. Из приведенных фраг-

ментов интервью видно, что повторное погружение старообрядческий священник не проводил.

К послеродовым процедурам, которые также осуществляла повитуха, относились особые действия с *пуповиной* и *детским местом*.

Бабка перерезала пуповину (кусочек которой матери часто хранили в доме):

[А чем она (бабка. — Н. Д.) перерезала пуповину?] Ножнями прямо. [Ножницами?] Ножницами, ножницами. Ножницы, что шьют, что режут товар [ПМА: РЕЯ].

[А пуповину бабка чем перерезала?] Ниткой. [Ниткой?] Да. Затянет нитку, и она потом сама отпадает [ПМА: САЕ].

[А пуповину кто перерезал, бабка?] Бабка. [А чем?] Ну чем она перевязала? Я не знаю, чем она перевязывала. Потом пупочек заматывала специально там. Я помню, мама ж... Бабушка Анисья принимала все. Вот пупочек не отпал еще, детенка пупочек. Помню, завязывала бинтиком, она мазала какими-то травками там, ложила... ну, она знала это [ПМА: ШАИ].

После завершения родов важным считалось закопать в землю, символически «похоронить» *детское место* (плаценту, послед), которое среди славян традиционно воспринималось как двойник ребенка и / или матери³. Согласно данным Т. Листовой, среди русских

...существовало представление о том, что через послед, как и через пуповину, можно нанести вред роженице и ребенку. Даже неумышленное уничтожение его могло оказать пагубное воздействие. Поэтому зарыть послед повитуха должна была так, чтобы никто — ни человек, ни какое-либо животное не могли добраться до него [Листова 1997: 508].

Место, так и называли — *место*. Да, очищалась. Вот бабка ждет, когда уже она знала, там, уже чтобы очистить роженицу, прибрать, место выходило. *Место* называется. [А что

³ См. подробнее [Кабакова 2009б: 200].

потом с ним делали?] Зарывала бабушка. [В землю?] Да, в землю. [А где: во дворе или подальше?] Ну, там, где никто не ходит, зарывали [ПМА: ШАИ].

Бабушка брала тая, что принимала роды, а в роддоме я уже была — не знаю, что они сделали, а это вот, как мне с поля... Она... вышло место, и она говорит: «Выкопайте ямку большую и закопать, чтобы собаки его не съели». Вот, это место. Вот это-то я помню [ПМА: БАТ].

[Плацента, детское место хранили или закапывали, как делали?] Закапывала бабка где-то, не знаю, где. [Закапывала, да?] Закапывала, да. [Говорила, что нельзя хранить?] Да. «Нельзя, — говорила, — хранить». Закапывала. Где она закапывала? Бог их знает, не знаю [ПМА: ИЕР].

Важной функцией повитухи был послеродовой уход за женщиной и новорожденным, обычно в течение восьми дней (реже — трех), который включал купание, растирание, а при необходимости лечение роженицы и младенца:

Родихе сразу после родов давали большой стакан вина, чтоб она набиралась крови. [Красного вина?] Красного вина, и потом момент ее в баню, растирали. [Сразу?] Как принесет, и она же грязная как той, и она трошки отдохнет. И момент ее — дадут ей стакан вина большой, чтоб она выпила, и после бабка в баню, и бабка растирала, восемь ден ходила, в бане ее мыла. Восемь дней подряд, ее и детенка, да. Считали как это, чтоб, как она поганая [ПМА: РЕЯ].

[А когда первый раз купали ребенка, в водичку что-то клали?] ШАИ: Травки, там, в чугунчике наварится тая травка, под голову травочки те берешь, а тут водичку и поливаешь кружечкой, купали. [А крестик не клали в эту воду?] ПСВ: Нет, нет. ШАИ: А так бабка причитывает, с молитвой купает. [Бабка первый раз купала, да?] Да, да. ПСВ: Ну, с молитвой, конечно, с молитвой делается тихонько [ПМА: ШАИ, ПСВ].

Все было в хате (роды. — *Н. Д.*), а потом делали баню. А я же доче сказала, что раньше баню три раза топили <...> и бабка придет, потопит и... Бабка! Домашний кто топил, бабка придет, в баню пойдет, детеночка помоеет и... И родиху помоеет [ПМА: СПИ].

[Купала ребенка первый раз бабка?] Да. [А что клали в воду? Клали какие-то деньги, крестик или что-то такое?] Крестик клали, клали... ой, постой, че еще? Такие есть бубочки, я не знаю, от какой-то травы были бубочки, говорили, чтоб сербучка не была, чтоб не сербело тело у детенка, чтоб чистое тело была. Такое клали. А деньги не клали, деньги — тогда в тое время это не было. Не было [ПМА: РЕЯ].

Некоторые из моих собеседниц среди других функций бабки-повитухи называли лечение матери и младенца от сглаза, изготовление оберегов от сглаза для беременных женщин.

Будучи авторитетным специалистом, бабка в то же время должна была регулярно проходить обряд очищения от нечистоты («погани»). Местные жительницы рассказывали о том, что после принятия каждых родов бабка должна была «брать молитву»:

[А говорили, что бабка-повитуха нечистая, раз с роженицей имела дело?] Да, она берет молитву у батюшки. [Бабка?] Да. [Когда?] Ну, она может и на третий день взять. И вот. Когда уже... она же... считается, что она как с роженицей была, значит, должна молитву. Батюшка вычитывает молитву. «Батюшка, вот я была около роженицы, молитву вычитайте» [ПМА: САЕ].

На противоречивое восприятие повитухи указывала и Г. И. Кабакова: с одной стороны, ремесло повитухи было почетным, с другой — нечистым и даже грешным [Кабакова 2009а: 180].

«Я была бабка, но врача кликала»

В 1960-х годах в изученных поселениях появляются родильные дома, распространяется более квалифицированная медицинская помощь. Тем не менее институт повитух не уходит в прошлое,

а начинает конкурировать с официальной медициной. Это явление было широко распространенным, характерным далеко не только для Молдовы и Румынии. С. Адоньева и Л. Олсон обращали внимание на то, что

женщины воспринимали роддома как отчуждающие, обезличивающие учреждения <...>, признавая необходимость медицинского вмешательства, продолжали обращаться за помощью к старшим родственницам в поисках знаний об уходе за собой и младенцем. В деревне женщины могли ходить к местным старухам, известным своими знаниями (бабкам) [Олсон, Адоньева 2016: 233].

В старообрядческих селах женщины в большей степени доверяли местным ритуальным специалистам, поскольку они не только владели техниками родовспоможения, но и знали, какие молитвы необходимо читать при родах, могли при необходимости погрузить ребенка и т. д., иными словами, владели «традицией».

Признавая достижения медицины и вместе с тем не желая отказываться от услуг повитух, женщины обращались одновременно и к докторам, и к бабкам:

[А вы застали еще то время, когда бабка принимала роды? Не в больнице, а, вот, бабку звали, чтобы она детей принимала?] Да-а. Был уже... Была бабка у нас, как называется... больница, бабка была, и доктор был. И бабка нас... [Что делала?] Бабка принимала младенца. А доктор уже потом как лечил, когда... если больной ребенок. Были бабки, еще я захватила, бабки. У меня девочка, в шестьдесят третьем, в январе, Татьяна. Здесь... по той был Браила, у ней два сына. [Ее бабка принимала?] Да. [Да?] А эту, уже вторую дочь, что тут построилась, Ирина, тут это уже в больнице в Бабадаге, доктор уже... [А бабки что делали? Они только... они как, приходили, когда роды начинались? Или как?] Да. И там бывали, там сидели — в больнице, где рожают. Там бабка спала, а доктор в этой камере (рум. — комната. — Н. Д.), где были [ПМА: МХ].

Я, вот, была бабка, но врача, я была бабка, но врача кликала. А это, наоборот, звали к врачу бабку. Пришла женщина с Пояны, и Галины Ивановны нету, на обеде была, аж в лес иттить надо было. А зубной у нас врач был мужчина. Ну и что — женщина рожать будет. Девчата... Были девчата тамotka, дежурные медсестры и санитарки. Все были девчата. И говорит так: «Бабушка Елена, иди в свой роддом». А я говорю. Там как раз санитарки не было на дежурстве, санитарки там были лишь две. Лишь две были, а те заболели и не было дежурства и не было санитарок. И мы это вот, еще до тех пор. И нет тамotka вообще совсем санитарки. Иду я. Иду к Семену, говорю: «Мне надо помощь, потому что, — говорю, — я...» А он вышел, на пороге стоит, вот так вот на меня глядит: «Тетья Лена, честное слово, я не знаю. Ну, вы меня простите, я врач-стоматолог, а это нас не практиковали, нас не водили, нам ничего не показывали. Я, честное слово, не знаю». Я говорю: «Как хотите, я одна за то не возьмусь. Женщина уже рождает, воды уже отошли». Побегла я, не разговариваю с ним долго, потому что уже это ж... и уже приходит он. И одел халат и говорит: «Тетья Лена, если вы знаете, понимаете — делайте. Я вам только, если, не дай Бог что-нибудь, я вам могу помочь: уколы дать, еще что-то. А я там. Что надо делать?» И вот так встал передо мной: «А что там надо делать?» На столе... А я говорю: «Вы стойте возле меня, я буду вам что говорить, а вы будете мне подавать». Так потомotka утром он пришел и говорит: «Тетья Лена, я домой пришел, я глаза не сомкнул. Только у меня все в глазах так и стояло» [ПМА: СЕО].

Последний фрагмент интервью показывает, как повитушество и официальная медицина некоторое время дополняли друг друга. В приведенном интервью бабка принимает роды в больнице вместе с врачом-стоматологом в то время, когда на работе отсутствуют акушерки и санитарки. С другой стороны, сами сельские повитухи признают необходимость более квалифицированной медицинской помощи. Как видно, в это время два института существуют как «параллельные легитимные системы знания, и люди легко лавируют между ними, используя их последовательно или параллельно для конкретных целей» [Jordan 1997:

56]. В результате постепенно происходит распределение ролей: роды принимает обученный медицинский персонал, а уход за роженицей и младенцем, а также лечение новорожденного остаются в ведении бабки (в редких случаях — наоборот: бабка принимает роды, а потом доктор лечит роженицу и ребенка, см. пример выше [ПМА: МХ]):

Ходили, вот она, вот я... у мене была бабушка Ульяна, бабка было звать. Она принимала там у кого и посля родов терла. Трет же, когда принесешь и выйдешь из дому рождения, тогда топишь баню неделю, шесть ден, четыре — как кто хочет, и она растирает все чисто, тая женщина. И я ходила и к ей. Она меня осматривала [ПМА: МУН].

И она после восемь ден ходила и в бане мыла ее, детенка мыла. Платили ей как доктору. Приходила проверяла, глядела пупочек тамotka как [ПМА: РЕЯ].

[Помните ли вы, когда бабки принимали?] Нет, это меня уже... [Это вы уже не застали?] Нет, да, в больнице только. [В больнице] Это наши бабки, матери... [А вы когда в больнице, ну вот, когда рожали, бабку как-то тоже звали или только с врачом?] Нет, только с врачом. [Только с врачом, да?] Я... когда вышла, у моего ребенка была сухота. И вот ходили, я ходила по речкам, по бабкам, как бы спасала его, вот это было после родов... у него... сухоты были [ПМА: ДОЕ].

Аналогичную практику деторождения при помощи повитух и врачей зафиксировала Е. А. Арсланова среди старообрядцев Астраханской области, реэмигрировавших из Румынии:

За роженицами ухаживали вместе акушерки и повитухи, каждая соответственно своим знаниям: «врачка принимала дитенка, бабушка вхаживала». «Мое дело, — рассказывает Т. А. Голанова, — было принять роды и ухаживать. Я, например, приму роды, уйду, они приходили, топили баню по-черному. Им [роженицам. — Е. А.] там мазали, правили, парили их, жарили». В задачи акушерки входило:

принять ребенка, снять с него мерки, зафиксировать вес. В послеродовой период она наведывалась в дом роженицы с целью проверить: не мокнет ли пупочек. Бабушка же оставалась для исполнения послеродовых процедур [Арсланова 2010: 39].

Показательно, что представители официальной медицины в изучаемых поселениях не противились подобному распределению ролей. Запрещено было только использование услуг повитухи без врача во время родов. В результате женщины, рожавшие при помощи бабки, скрывали этот факт:

И принимала она (бабка. — *Н. Д.*) роды. Она у меня очень большая родилась. А тогда уже запрещали бабушкам ходить. Хотели, чтобы звали... врачей, а... акушерку. А у нас еще не было роддома. А потом, как, ну, брусовой дом был, сделали одну комнатку, и потом когда там уже стали, ну и пришли когда уже ко мне, две эти — как акушерка и еще одна. Посмотрели да говорит: «Неправда, что ты ее...». Я сказала, что я сама рожала, не было бабушки. А она говорит: «Неправда, не могла ты ее сама родить. Такая она тяжелая, больше, — она говорит, — четырех килограмм весит. Ты не могла сама ее родить» [ПМА: САЕ].

Опираясь на исследования Д. Рансэла, Л. Олсон и С. Адоньева писали о том, что «советская кампания по борьбе с деревенскими повитухами началась в двадцатые-тридцатые годы и продолжалась вплоть до смерти Сталина в 1953 году; после этого преследование повитух прекратилось» [Олсон, Адоньева 2016: 233]. В исследуемом регионе было официально запрещено обращаться к повитухам значительно дольше, вплоть до конца 1970-х годов. К тому времени роды вне больниц были уже менее распространенными.

Интересно, что в некоторых интервью местные жительницы не только сравнивали бабку с доктором («платили ей как доктору», «бабка, была как это... акушерка», «все как одни доктора были»), но и называли акушерку бабкой, например:

[А хранили кусочек пуповины или нет?] Не знаю, нее. Ну, я, например, их всех в роддоме родила. Ну, там бабки прибирают, все прибирают. Акушерки те. Все выкидывают [ПМА: ШАИ].

Уподобление врача повивальной бабке выражается в переносе ряда практик с института повитух на официальную медицину, чему способствовало в том числе и то, что некоторые сельские повитухи с появлением больниц / родильных домов работали в них в качестве медсестер или санитарок. В селе Кунича (Республика Молдова) одна из повитух рассказывала о родах своей дочери — в больницу не успели, поэтому мать (повитуха) приняла роды дома, а потом отвезла роженицу в больницу:

СЕО: Я приехала с ней в четыре часа утра, привезла ее уже. Они говорят: «А кто принимал роды?» Я говорю: «Я!» Они пришли, разговаривают. Я говорю: «Девочки, быстрее, место не вышло, ничто...» — «А как?» А я говорю: «Вот так просто. Наверное, вот так просто перевязанная, перевязанная за плечо, вот тут перевязанная, — говорю, — быстренько давайте». «А кто, — еще раз вернулись, — кто роды принимал?» Я говорю: «Я». — «А вы кто?» — «Мама». — «Деевочки!» Это врач спрашивает: «Девочки, быстрее давайте носилки». Понесли ее, а я еще дома приготовила сумку им. Что надо, все, все, все. Я, когда иду, иду прям в роддом — *я же врач*. МЕА: Ну правильно, а что ж? Я принимала, я ответ буду держать перед Богом (смеются). СЕО: И они: «Куда вы?» Я говорю: «На-те вам сумочку, позавтракаете там. Вы сделайте все, потом, — говорю, — позавтракайте». А она, медсестра, говорит: «Вы что, еще сумку даже могли приготовить?» МЕА: Надо было сказать, что я сорок лет так отпахала санитаркой в роддоме, спасала, как могла, всех. СЕО: Говорю: «Знаю, — я говорю, — я это. Я была, работала у нас в больнице». Потом стала с ими разговаривать. «Ну, — говорит, — это уже вообще! Мама приняла и привезла еще, — говорит, — нам завтрак» [ПМА: СЕО, МЕА].

Из приведенного фрагмента биографического нарратива видно, что женщина, которая была сельской повитухой, а с 1960-х

годов начала работать в роддоме санитаркой, сама себя считает врачом, то есть вписывает себя в систему официальной медицины. С 1980-х годов запрета на повитушество уже не существовало, поэтому домашние роды перестали скрывать. Кроме того, в последнем интервью обращает на себя внимание форма благодарности медицинского персонала: как и деревенской повитухе, в качестве благодарности медсестрам были предложены продукты питания, угощение. Нередко на эту аналогию указывали и мои собеседники.

Сравним рассмотренный сюжет с воспоминаниями местных жительниц о том, как встречали и провожали бабуку после принятия родов:

Бабка была, когда придет, ее уже дожидается самовар, и с чаем, гретое вино, и это бабке было, угощение было бабке, да. И она, когда поздно чи ночь, чи холод, чи дождь, она домой не ходила, оставалась. А этих 8 ден, хотя ходила домой, она каждый день приходила. Вот сказали: «Нынче в три часа будем топить баню». Она уже знает, она уже в два часа идет [ПМА: РЕЯ].

[Когда это происходило, когда бабку благодарили?] ШАИ: Уже когда... ПСВ: Сразу же, да? ШАИ: Сразу после родов. Бабка вымылась, руки, уже младенчика положили, роженицу посадили. Тут стол родня накрывали, угощали, и бабке там плотют, дают подарок, что купили там. Как и сейчас в роддоме: все равно ж дают этим, акушеркам, гостинцы. Кто что мает, по силе... [ПМА: ШАИ, ПСВ].

Здесь следует отметить, что важным отличием традиционных практик родовспоможения, ушедшим в прошлое с развитием официальной медицины, являлась связь между бабкой-повитухой и принятыми ею детьми. С одной стороны, для разрыва этой связи, а с другой — для ритуального очищения от нечистоты совершался обряд размывания. Воспоминания об этой практике были зафиксированы в селе Сарикей (Румыния):

Когда тая бабка баню топит... но бабка не топит баню, топит хозяин. Да. И бабку тую тогда берут в баню, и бабка трет женщину, родиху. [Когда уже родила?] Да, да, да. И детеночка помоем, и потрет его как она там его. И три бани надо делать. И бабке тогда дают мыло, кусок мыла дают, и рушник ей дают. Рушник и мыло дают. И деньги, денжаток. <...> [Это как подарок ей дают?] Да. Это когда она кончит это... Когда бабке дают на руки воды, и она руки вытрет, помоем, и вытрет тем рушником, что ты ей дала, а мыло тая, что ты ей дала мыло [ПМА: СПИ].

Подарки при исполнении данного обряда «нужны не только для того, чтобы “руки отвязать”, “отвязать ее от креста”, но и чтобы выкупить у нее ребенка, поскольку, пока она не вознаграждена сполна, ребенок принадлежит ей» [Кабакова 2009: 84]. Между врачом, принявшим ребенка в роддоме, и новорожденным подобной связи нет изначально.

Таким образом, знание местных ритуальных специалистов, которое изначально выступало как более авторитетное по отношению к официальной медицине, со временем вступило с ней в диалог. Это привело к такой форме сосуществования двух легитимных систем знания, в которой, на первый взгляд, каждой из них отводится определенная роль. При более детальном рассмотрении становится видно, что никакой четкой границы между двумя системами и институтами провести невозможно (так, сельские повитухи работают в больнице, вместе с врачами принимают роды). Осколки института повитух не только проявляются в биографических нарративах о родах до появления больницы, длительном параллельном использовании официальной медицины и услуг ритуальных специалистов, но и отражаются на современных практиках деторождения в старообрядческих сообществах (от переноса моделей взаимодействия с повитухой на общение с медицинским работником, которым может оказаться бывшая повивальная бабка, до лечения матери и новорожденно-го от сглаза у сельской бабки).

Информанты

БАТ — ж., 1940 г. р., с. Старая Добруджа, Республика Молдова
ИЕР — ж., 1926 г. р., с. Старая Добруджа, Республика Молдова
ДВВ — м., 1948 г. р., с. Сарикей, Румыния
ДОЕ — ж., 1961 г. р., с. Кунича, Республика Молдова
МЕА — ж., 1951 г. р., с. Кунича, Республика Молдова
МУН — ж., 1942 г. р., с. Сарикей, Румыния
МХ — ж., 1942 г. р., с. Сарикей, Румыния
ПСВ — м., 1951 г. р., с. Кунича, Республика Молдова
РЕЯ — ж., 1953 г. р., с. Журиловка, Румыния
САЕ — ж., 1931 г. р., с. Кунича, Республика Молдова
СЕО — ж., 1940 г. р., с. Кунича, Республика Молдова
СПИ — ж., 1953 г. р., с. Сарикей, Румыния
ХТА — ж., 1950 г. р., с. Старая Добруджа, Республика Молдова
ШАИ — ж., 1947 г. р., с. Кунича, Республика Молдова

Литература

Арсланова 2010 — *Арсланова Е. В.* Обряды жизненного цикла старообрядцев-липован Астраханской области (родильно-крестильные и похоронно-поминальные). Астрахань, 2010. 348 с.

Кабакова 2001 — *Кабакова Г. И.* Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // *Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры* / Сост. Е. А. Белоусова. М., 2001. С. 107–129.

Кабакова 2009а — *Кабакова Г. И.* Повитуха // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Ред. Н. И. Толстой. М., 2009. Т. 4. С. 82–84.

Кабакова 2009б — *Кабакова Г. И.* Послед // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Ред. Н. И. Толстой. М., 2009. Т. 4. С. 200–202.

Листова 1997 — *Листова Т. А.* Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни // *Русские* / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1997. С. 499–516.

Олсон, Адоньева 2016 — *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. М., 2016. 440 с.

Jordan 1997 — *Jordan B.* Authoritative knowledge and its construction // Childbirth and authoritative knowledge: cross-cultural perspectives. Ed. by R. E. Davis-Floyd, C. F. Sargent. Berkeley, Los Angeles, London, 1997. P. 55–79.

“The Grandmother Was Sleeping There, and the Doctor Was in This Cell”: Fragments of the Institute of Midwives in the Memory of Modern Old Believers

Natalia Dushakova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-4486-5367

Scopus Author ID: 55925533400

PhD, senior research fellow

School for Advanced Studies in the Humanities

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Vernadsky av. 82, Moscow, 119571, Russia

Tel: +7 (499) 956-96-47

E-mail: dushakova@list.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2022.12

Abstract. This article discusses Moldovian Old Believers’ memories about childbirth practices that were aided by rural ritual specialists, that is, midwives. Based on field data obtained in 2008–2018, I trace the transformation of the institution of midwifery that was caused by interaction with official medicine, as well as the roles of midwives who were still in demand among local women even after the establishment of maternity hospitals.

Keywords: Old Believers, childbirth practices, ritual specialist, midwife, memory, Republic of Moldova, Romania

References

Arslanova, E. V., 2010, *Obriady zhiznennogo tsikla staroobriadtsev-lipovan Astrakhanskoi oblasti (rodil'no-krestil'nye i pokhoronno-pominal'nye)* [Rites of the Life Cycle of Old Believers-Lipovans of Astrakhan Oblast' (Birth-Christening and Funeral)]. Astrakhan, Izdatel'stvo Sorokin R. V., 348.

Jordan, B., 1997, Authoritative Knowledge and Its Construction. *Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-cultural Perspectives*, eds. Robbie E. Davis-Floyd & Carolyn F. Sargent, 55–79. Berkeley & Los Angeles & London, University of California Press, 505.

Kabakova, G., 2001, Otets i povitukha v rodil'noi obriadnosti Poles'ia [Father and Midwife in the Birth Rites of the Polesie Region]. *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiiakh narodnoi kul'tury* [Childbirth, children, midwives in the traditions of folk culture], eds. E. Belousova and S. Nekliudov, 107–129. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.

Listova, T., 1997, Obriady i obychai, sviazannye s rozhdeniem detei: Pervyi god zhizni [Customs and Rituals Associated with the Birth of Children: The First Year of Life]. *Russkie*, eds. Vadim Aleksandrov, Irina Vlasova, and Ninel' Polishchuk, 499–516. Moscow, Nauka, 828.

Olson, L., and S. Adoniev, 2016, *Traditsiia, transgressiia, kompromiss: miry russkoi derevenskoi zhenshchiny* [Tradition, Transgression, Compromise: Worlds of a Russian Village Woman]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 440.